

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

ЭНКОМИИ НИКОЛАЯ КАВАСИЛЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹

В литературном наследии Николая Кавасилы (один из крупнейших византийских писателей XIV в.², известный прежде всего как апологет православия и автор мистического учения) значительное место занимают энкомии. Преимущественно это похвальные слова на праздники — на Вознесение, на Страсти Христовы, на день св. великомученика Димитрия Солунского, св. Феодоры, Трех вселенских святителей и др.³ Кроме того, известно несколько энкомиев Николая Кавасилы, обращенных к светским лицам, — это похвальные слова типа *logos basilikos*. Энкомии последнего типа посвящены царствующим особам — Иоанну Кантакузину, Анне Савойской, Матфею Кантакузину.

Энкомий, изданный П. Энепекидесом в 1953 г.⁴, адресован *to hagio basilei* — вероятнее всего, Иоанну Кантакузину (при ссылках на этот энкомий далее — ЭИ). Материал энкомия не дает оснований для его точной датировки. Издатель относит его ко времени после 1341 г.

Основной текст энкомия *te eusebestate Auguste kyra Anne te Palaio-logine* (далее при ссылках — ЭА) издан М. Жюжи в 1911 г. Заключительная часть энкомия опубликована В. Лораном позднее — в 1936 г.⁵ Энкомий Анне Савойской обратил на себя внимание исследователей в основном в плане параллелей с письмами Николая Кавасилы и трактатом «О ростовщичестве» в целях уточнения датировки названных сочинений⁶. И. Шевченко, а за ним и Р. Ленертц справедливо отмечают ошибку Р. Гийана и П. Энепекидеса в определении даты того письма Николая Кавасилы отцу, которое содержит обещание написать похвальное слово василисе, т. е. Анне Савойской (а не столице, как у Гийана и Энепекидеса)⁷. Предварительный анализ неизданного трактата Николая Кавасилы «О ростовщичестве»⁸, адресованного также Анне Савойской, позволяет почувствовать некоторую близость риторического рисунка этого сочинения и рассматриваемого энкомия. Вероятно, они близки и по времени их написания⁹. Издатель энкомия Анне М. Жюжи датирует его временем от 1347 до 1351 г.; Р. Ленертц — 1352—1354 гг.; И. Шевченко — от 1347 до 1349 г.¹⁰ Текст энкомия Анне позволяет говорить о том, что он написан после признания ею паламизма, но до начала нового этапа гражданской войны (вероятно, до 1352 г.).

Энкомий *eis ton autokratora* Николая Кавасилы, изданный М. Жюжи вместе с энкомием Анне Савойской, несомненно, адресован старшему сыну Иоанна Кантакузина Матфею (при ссылках на энкомий далее — ЭМ). Это сочинение Кавасилы не являлось предметом специального

изучения. В ряде исследований, касающихся жизни и творчества нашего автора, имеются лишь упоминания и ссылки на него. Энкомией может быть отнесен — в соответствии с мнением издателя — ко времени, следующему за коронацией Матфея (май 1354 г.).

Названные энкомии Николая Кавасилы имеют форму, соответствующую композиционным нормам этого жанра византийской литературы. Энкомий Матфею Кантакузину есть типичная хвалебная речь, панегирик, — то, что византийцы называли «царским словом»¹¹. Из всех разновидностей *logos basilikos* этот энкомий по своему содержанию ближе всего стоит к *logos charisterios* и в некоторой степени — к *logos stefanotikos*¹². Два других энкомия, скорее, относятся к эпистолярному жанру, это — хвалебные эпитры, столь часто встречающиеся в литературных памятниках прошлого, начиная с античных времен¹³.

В выборе энкомия как формы обращения к царствующим особам Николай Кавасила не оригинален («похвальные» слова были спутниками и других василевсов — ЭМ, р. 113. 12—13). *Enkomion* (наряду с *psogos*) является одним из наиболее популярных в Византии жанров эпидейктической литературы¹⁴. Каждый писатель почитал за честь обратить хвалебные слова императору или членам его семьи. Сам по себе акт составления панегирика считался мерилом писательской зрелости. Энкомий Анне Савойской был задуман Николаем Кавасилой в молодые годы, когда он уехал учиться в Константинополь (в одном из писем наш автор советуется по этому поводу с отцом). Однако он считает себя неподготовленным для этого («Я молчу, не имея требуемого опыта»)¹⁵. Николай Кавасила вспомнил однажды древний закон, запрещавший людям, не достигшим 30-летнего возраста, выступать с публичными речами¹⁶. От обращения к Иоанну Кантакузину его удерживали великие добродетели императора, которым нужно найти достойные слова (ЭИ, 21—26). И обратившись позднее к Анне Савойской, Николай Кавасила просит снисхождения в связи с несовершенством его похвалы, называя свое решение обратиться к василисе дерзновением (*tolme* — ЭА, р. 119. 8—9). Не вызывает сомнения, что формула признания автором своего писательского несовершенства несет явные признаки трафарета, присущего византийской риторике¹⁷. Однако даже введение в энкомии этой традиционной формулы свидетельствует об осознании автором степени ответственности акта составления похвального слова и меры требовательности к способностям и образованности энкомиаста.

Поскольку энкомий ведет свою историю от античных времен, он подчинен давно сложившимся традиционным законам жанра¹⁸. Похвальное слово отличается от других видов литературных или исторических сочинений своей структурой, качеством словесной ткани, стилистическим рисунком¹⁹. Украшение похвального слова определенными трафаретными формулами, называемыми ныне клише, является одним из обязательных элементов литературного канона энкомия²⁰. Признаком большой учености считалось умение говорить о современных событиях на классическом языке, имитируя античные модели этого рода литературы. Г. Хунгер включает в дефиницию поздневизантийского классицизма в литературе подражание образцовым произведениям классики

как в отношении их содержания, так и в отношении их формальных качеств²¹. Для энкомиев в особой степени характерен именно формальный классицизм, находящий выражение в языковых и стилистических явлениях.

Николай Кавасила, выступая в амплуа энкомиаста, спешит прежде всего сообщить, что он следует примеру эллинов. «Закон обязывал всех эллинов нести первый сбор плодов в Афины» — так начинает он похвалу Анне Савойской, оправдывая этой формулой возможное несовершенство своего сочинения (ЭА, р. 118, 21). Он аргументирует свое желание украсить Анну словами по примеру афинян, считавших необходимым «возвышать до божественных предков» (ЭА, р. 118. 28—32).

Обращаясь к мифологическим образам, Николай Кавасила вспоминает покровителя красноречия Гермеса и муз, вдохновлявших энкомиастов (ЭМ, р. 113. 10—11; ЭИ, 24—26). Он называет эпизоды античной истории (Марафон — ЭМ, р. 115. 2), имена исторических деятелей древней Греции (Демосфен — ЭА, р. 119. 25), литературных героев древнегреческой литературы (Нестор — ЭМ, р. 117. 22), имена философов той эпохи (Анаксагор — ЭМ, р. 117. 26; Платон — ЭА, р. 121. 9—10)²². Николаем Кавасилой использован в похвальном слове Анне Савойской образ платоновской колесницы, которая, как известно, отождествляется с человеческой душой, влекомой двумя конями — добрым и злым — и управляемой «возничим — разумом»²³. Николай Кавасила советует Анне «умело направлять колесницу Платона» (*to tou Platōnos harma*).

Энкомии Николая Кавасилы в соответствии с требованиями жанра отмечены печатью деконкретизации²⁴. Из трех анализируемых здесь похвальных слов два не имеют точного адресата: один направлен императору (ЭМ), другой — святому василевсу (ЭИ). В энкомиях Николая Кавасилы отсутствуют современные ему имена, географические названия, даты, события. Автор использует лишь архаические названия народов (афиняне — ЭМ, р. 115. 2; ЭА, р. 118. 28—29; эллины — ЭА, р. 118. 21; заки — ЭМ, р. 114. 25—26) и мест (река Фасис, Геракловы столбы — ЭМ, р. 114. 23—24). Врагов империи он называет не сербами или турками, а варварами (ЭМ, р. 114. 26). Хотя очевидно, что в похвале Анне Савойской речь идет о событиях в Фессалонике, автор не называет города, а для его определения использует прием, представляющий подмену одного названия другим: он называет Фессалонику «вместилищем всей Эллады» (ЭА, р. 110. 1). Только однажды, в энкомии Анне (кстати, здесь и адресат точно назван), упомянута конкретная территория — Македония (ЭА, р. 119. 5—6).

В связи с предназначенностью энкомиев их лейттема состоит в похвалах воспеваемому лицу. Добродетели, превозносимые энкомиастом, столь же традиционны и трафаретны, как сам жанр энкомия. Матфей в изображении Николая Кавасилы — полководец, одерживающий победы над варварами; страж, оруженосец, сражающийся в первых рядах; советчик, поклонник благоразумия, управляющий делами подданных и отвращающий несправедливость; стоящий во главе законов (ЭМ, р. 114. 26; р. 115. 35—38; р. 117. 15—20). Восхваляются его ум, ораторские способности, умение предпочесть дела словам (р. 117. 10—14. 22—25).

Отличительной чертой Иоанна Кантакузина как правителя, по Николаю Кавасиле, является филантропия: «Ты имеешь душу о подвластном, словно матери о детях» (ЭИ, 1—2). Кроме того, Иоанн в изображении Кавасилы — прекрасный писатель и оратор, покровитель муз (ЭИ, 16—20). Главная добродетель Анны Савойской — благотворительность («достойна восхищения твоя филантропия относительно отца моего и родины» — ЭА, р. 118. 36—37; р. 119. 6—7). Николай Кавасила превозносит Анну, философствующую, разумную правительницу (ЭА, р. 120. 23—26; р. 121. 6—8) за ее умение оставаться непоколебимой в изменяющемся мире: «Ты одна, великая царица, не изменяешься вместе с другими» (ЭА, р. 120. 27—33). Приемы восхваления этих добродетелей самые типичные: «Мой восхищенный отец всякий раз получает удовольствие от твоих благодеяний; все уши он наполнил рукоплесканиями тебе, все языки — похвалами тебе. И нет в Македонии никого, кто бы не слышал об этом» (ЭА, р. 119. 3—5). Возвеличивание выражается в утверждении превосходства воспеваемого лица над всеми. Ведущая формула энкомия Матфею — «*beltistos pantōn*», «*kraftistos pantōn*» (ЭМ, р. 114. 2. 4. 16; р. 117. 1. 37; р. 118. 15).

Явная гиперболизация в освещении достоинств воспеваемого лица не дает оснований впасть в ошибку, даже если бы исследователь хотел довериться излияниям энкомиаста. К тому же превозносимые Николаем Кавасилой добродетели столь безлики, столь шаблонны, что их спокойно можно приписать любому другому правителю. Кроме того, реальные факты истории заставляют усомниться в истинности этих качеств, когда Николай Кавасила относит их к конкретным лицам: политическая устойчивость Анны! Филантропия Иоанна Кантакузина, делающая всех его подданных людьми счастливой судьбы! Несомненно, что этот перечень добродетелей мало что может дать для характеристики правителя и эпохи.

Органически вырастают в ткань энкомиев Николая Кавасилы утверждения дидактического характера, представляющие собой общеизвестные истины-наставления («не всем все дал Бог, но одному — одно, другому — другое» — ЭА, р. 119. 21—22; «не мы существуем для дел, но дела для нас» — ЭА, р. 121. 1—2). Использование этих нравоучительных формул также традиционно — оно восходит к древним временам.

Если сравнить энкомий по манере изложения с другим жанром эпидейктической литературы — псогосом²⁵, то становится совершенно очевидным, что последний отчетливее передает настроения автора. Негативный настрой псогоса дает возможность прорваться авторским страстям — негодованию, возмущению, презрению²⁶. В энкомии же все окрашено в более индифферентные, спокойные тона, что, несомненно, очень осложняет его прочтение и понимание.

Можно ли после всего, что сказано об энкомии, считать его достойным внимания историческим источником? Не следует ли относиться к сочинениям этого жанра лишь как к литературным памятникам, несущим печать традиционной устойчивости форм византийской словесности?

При оценке энкомиев как источника историк не может пройти мимо того, что является характерной чертой многих из сочинений подобного

рода, — их эзотеризма²⁷. За штампом, за клише-фразой энкомиев кроется иногда определенный внутренний смысл. Ценность похвального слова в глазах современников возрастала в зависимости от умения автора проявить особую словесную виртуозность при использовании античного трафарета, искусно прикрывающего истинный смысл речи. Энкомиасты, рассчитывая на образованную аудиторию, строили свои сочинения по принципу *sapienti sat*. Оживленный в энкомиях классицизм был для византийцев определенной «знаковой системой»²⁸, которую умели читать лишь интеллектуалы. Исследователю наших дней нелегко постигнуть эзотеризм энкомиев. Разумеется, допустимы разночтения тех или иных мест сочинений этого жанра: столкновение мнений не только возможно, но и желательно.

Вслед за проф. И. Шевченко следует согласиться с тем, что энкомии (как и письма) палеологовского времени в большинстве своем не отделены от современных им событий, как может показаться на первый взгляд²⁹. За их эзотеричностью скрывается часто тот — иногда минимальный — материал, который определяет потенциальную ценность энкомиев как исторического источника.

Несомненно, что энкомии, несмотря на значительно большее, чем в сочинениях иного рода, проявление чистой риторичности, являют собой достаточно интересный источник, дающий основание для выяснения отдельных оттенков писательской манеры их авторов и в некоторой степени — пусть даже незначительной! — для определения политической ориентации составителей этих энкомиев. Несмотря на всю трудность обработки данных источников подобного типа, трудность, проявляющуюся прежде всего в сложности отсоединения индивидуального от традиционного и парадно-торжественного, — подчас именно энкомии проливают некоторый свет на позиции и настроения их авторов.

Активное внимание исследователей к материалам энкомиев, проявляемое в последнее время, а также издания ранее неопубликованных текстов энкомиев и их переводов свидетельствуют о значимости этого жанра литературного наследия Византии для изучения истории страны³⁰.

Названные выше энкомии Николая Кавасилы составляют как раз ту группу литературных сочинений, которые не изолированы от влияния общественной жизни середины XIV в. Автор, придав своим похвальным словам требуемую жанром деконкретность, в то же самое время говорит о совершенно конкретных событиях. Каким же образом передает энкомиаст историческую ситуацию, факт, событие?

Одним из средств информации в энкомиях Николая Кавасилы (как и в энкомиях других авторов) является аллюзия, особая риторическая фигура, представляющая собой прозрачный намек на события, которые предполагаются общеизвестными.

Энкомий Анне Савойской содержит аллюзию, говорящую, несомненно, о положении дел в Фессалонике во времена зилотского движения³¹. В описании Николая Кавасилы Фессалоника переживает ненастье событий (*en tosouto ton pragmaton cheimonī*) и пребывает в несчастье (*kai dustucheī men to koinon touto pases Hellados*). Правда, энкомиаст в этой ситуации ищет повод сделать очередной комплимент Анне, сопро-

тивляющейся и этим всеяющей надежду городу, который и в пучине войн видит под влиянием ее уверенности и спокойствия будущий мир и тишину (эти слова «ek kumatōn galēnen hōga», заимствованные из речи Еврипида, позднее повторит Николай Кавасила в письме к ипомни-матографу, описывая свирепствовавшую в Константинополе чуму)³². В тексте эта аллюзия звучит так: «Я имею и другой стимул (для похвалы.— М. П.), который заставляет, как говорят, человека спешить: это твое восхищающее человеколюбие в отношении моего отца и родины, ибо она (родина-Фессалоника.— М. П.) в этом ненастье событий, когда ты, лучшая из всех, сопротивляешься, из пучины волн видит спокойствие; и пребывает в несчастьи вместилище всей Эллады» (ЭА, р. 118. 36—38; р. 119. 1).

Целью согласиться с мнением Р. Ленертца, интерпретирующего этот фрагмент энкомия как описание событий новой войны между Иоанном Палеологом и Иоанном Кантакузином (1352—1354 гг.)³³, поскольку за названным пассажем следуют несколько аллюзий, близких или совпадающих по времени с зилотским движением: намек на собор 1341 г., на котором «великий василевс победой обратил в бегство богохульников» (ЭА, р. 120. 9—11), на эволюцию отношения Анны Савойской, вначале «попавшей в отношении божественного благочестия под власть дурных языков», к паламизму (ЭА, р. 120. 6—11), на примирение Анны и Иоанна Кантакузина в 1347 г. (ЭА, р. 119. 36—38).

В энкомии автократору Николай Кавасила, наряду с другими аллюзиями, описывает весьма прозрачно то событие, которое и явилось поводом для написания похвального слова,— коронацию Матфея Кантакузина, которого он называет «второй фигурой царской власти» (to deuteron tes basileias echonta schēma — ЭМ, р. 116. 11).

Говоря о том, что сначала Матфей был избран людьми, а затем уже Бог вручил ему царскую власть, Николай Кавасила, несомненно, имеет в виду то обстоятельство, что из-за оппозиции патриарха Каллиста коронация Матфея была временно отложена и состоялась лишь после избрания патриархом Филофея. Автор энкомия говорит и о положении Иоанна Палеолога в этот период политической борьбы: «...тот, кто управлял раньше, сам бросил скипетр, и вследствие этого вместо того, чтобы править, должен был бежать» (ЭМ, р. 116. 21—23). Имеется в виду вынужденное бегство Иоанна на остров Тенедос в связи с победами Кантакузина и его требованием отказа от выделенного Иоанну удела.

Думается, что исследователь может получить некоторую информацию, анализируя отдельные моменты взаимосвязи формы и содержания сочинения. Попробуем обратиться к сравнениям подобного рода на примере энкомия Матфею Кантакузину.

По нормам классической риторики в энкомии принято выделять следующие части³⁴: вступление (prooimion)³⁵, род (genos)³⁶, воспитание (anatrofe)³⁷, деяния (praxeis)³⁸, сравнение (sunkrisis)³⁹, заключение (epilogos)⁴⁰.

В энкомии автократору мы можем выделить более или менее четко все названные части, исключая anatrofe. Запевка — prooimion — типичная: нелепо и несправедливо не воспеть того, кто достоин этого; многие

василевсы были воспеты, но более достоин этого ты, лучший из всех.

Вторая часть энкомия — *genos* — вырисовывается очень неопределенно. Здесь нет традиционных элементов, из которых строится обычно этот раздел похвальных слов, а именно *ethnos, patris, progenoi, pateres*. Впрочем, в византийских энкомиях эта часть иногда опускалась. Интересно вспомнить в связи с этим застольную речь Льва Дьякона в честь императора Василия II (в переводе проф. М. Я. Сюзюмова): «Вошло в обычай для придания изящества в подобного рода выступлениях сначала перечислять достижения прошлого и доблести предков и затем проводить (от них) словно по течению похвалу к прославленному. Но мне кажется это искусственным, совершенно пустым и бесполезным, когда дело идет о прославлении именно твоих добродетелей»⁴¹. В энкомии автократуру Николая Кавасилы содержится несколько самых общих, неконкретных фраз относительно рода и предков.

Основная часть энкомия — *praxeis* — включает изложение отдельных моментов деятельности Матфея, подаваемых в окраске, соответствующей лейтмотиву энкомия «ты лучший из всех».

Четко выделить в энкомии Кавасилы синкрисис не удастся. Здесь нет сравнения каких-либо конкретных фамилий, родов, нет обычных ссылок на деяния великих деятелей древности — Александра Македонского, Кира, Ксеркса, нет характерных сравнений с солнцем и океаном⁴².

Может быть, отсутствие четкого синкрисиса является особенностью поздневизантийского энкомия? Нет, в панегирике Иоанна Хортасмена императору Мануилу II⁴³ мы снова встречаем сравнение, содержащее привычный для этого вида литературы материал относительно Ксеркса и Александра. Однако при отсутствии в энкомии Николая Кавасилы синкрисиса как специального раздела можно отметить, что элементы синкрисиса разбросаны по всему энкомии. Например, говоря о мудрости Матфея Кантакузина, Николай Кавасила замечает, что Матфей «дает более полезные советы, чем Нестор, бывший стариком» (р. 117. 22—23).

Эпилог энкомия является собранием наивысших похвал василевсу и утверждением его вечной славы.

Таким образом, следует отметить, что в целом композиция энкомия Николая Кавасилы в достаточной степени традиционна. При сохранении структурных норм риторики энкомий, однако, выглядит упрощенным по сравнению с классическими образцами. Мы не встречаем здесь той цветистой торжественности, которая отличает этот вид сочинений.

При всей традиционности рассматриваемого энкомия Николай Кавасилы обращают на себя внимание отдельные композиционные моменты. Так, в разделе *praxeis* при перечислении добродетелей василевса (ЭМ, р. 114. 26; 115, 35—38; 37. 10—20) автором сделана акцентировка на благочестии Матфея. *Eusebeia* автократора стоит не в общем перечне его заслуг и добродетелей, но композиционно выделено особо (ЭМ, р. 116. 28—36). Энкомиаст замечает, что Матфей является избранником не только всех подданных, но и тех, «кто взирает лишь на небеса» (*alla kai hoi pros ouranon monon horosin* — р. 116, 25). Кроме того, Матфей является избранником самого Бога: «И если раньше ты был избран людьми, одержимыми страстью процветания, то ныне тебе сам

Бог вручает царскую власть через священников...» (р. 116. 29—31). Правитель, отмечает Николай Кавасила, друзей благочестия называет своими спутниками, почитает, нуждается (в них); они преобладают среди других, словно они самые родные ему (р. 117. 33—35).

Параллельно с темой благочестия идет тема всепрощения. Николай Кавасила относит к добродетелям правителей умение прощать своих врагов. «Когда водоворот был укрощен, — пишет он, — дела таким образом установились... он проявил человеколюбие... и не только оставлял безбоязненно жизнь, но и давал власть, и считал их достойными большой заботы, словно в отношении него они относились наилучшим образом» (р. 116. 1—8).

Эта идея примирения с политическими врагами противостоит твердой позиции автора энкомия по отношению к врагам в области веры. Он проповедует вражду к тем, кто не признает благочестия, называя их «наихудшими негодяями» (*kakist' apoloumenos* — р. 117. 28—33). Это отношение автора энкомия к тем, кто не придерживается истинной веры, полностью соответствует той позиции, которую занимает он в своем известном памфлете «Против нелепостей Григоры», памфлете, пронизанном негодующей страстью против того, кто поддерживает противников истинной веры ⁴⁴.

Подобная подача темы благочестия, казалось бы столь традиционной в византийской риторике, позволяет, однако, выявить в некоторой степени отношение автора к идейно-политической борьбе своего времени. Следует вспомнить, что памфлет Николая Кавасилы, содержащий *psogos*, направленный против антипаламита Никифора Григоры, относится примерно к этому же периоду творчества автора — он написан после 1355 г.

В энкомии неоднократно звучит также мысль о том, что царствование нового василева связывается в надеждах людей с мыслями о счастье и процветании: «...ты был избран людьми, одержимыми страстью процветания», ты был избран «для всеобщего блага» (р. 116. 27—31). Хотя сама по себе эта мысль не нова — она традиционно имеет место почти в каждом энкомии, — однако нельзя не заметить, что это отраженное в рассматриваемом опусе представление о правителе как защитнике мира, процветания и благочестия очень точно соответствует тому образу идеального архонта, который мы видим в другом сочинении Николая Кавасилы — «Слово об архонтах» ⁴⁵. Безбожие и беспечные действия архонтов, не приносящих пользы обществу, порицаются там Кавасилой, напоминая ему действия Пилата, держащего суд над Христом. Говоря об отличиях архонта от тирана, Николай Кавасила прежде всего подчеркивает, что архонт действует во имя пользы подданных, в то время как тиран угнетает их и попирает закон ⁴⁶.

Обращает на себя внимание и другой структурный элемент — неконкретность раздела *genos*, что уже отмечалось выше. Возникает вопрос: несет ли этот индивидуальный стилистический прием определенную смысловую нагрузку?

Попробуем проследить по энкомии, как описывает Николай Кавасила взаимоотношения Матфея с отцом. Энкомиаст прославляет Матфея

за то, что «он перенес многие опасности вместе с отцом», за то, что он «не думает о негодовании, об изгнании, о трудностях, не проявляет недовольства отцом, предпочитавшим врагов сыну» (р. 116. 9—13). Не вызывает сомнения, что здесь идет речь о событиях, предшествовавших коронации Матфея, начиная с 1347 г., когда Иоанн Кантакузин получил корону. Известно, что Матфей, подбиваемый теми, кто был недоволен состоявшимся примирением Иоанна Кантакузина с Анной Савойской, пытался образовать собственный удел во Фракии. Ирине Кантакузине с трудом удалось тогда уговорить Матфея не выступать против отца. В 1352 г. Иоанн Кантакузин, ущемляя интересы сына, отдал молодому императору удел, принадлежащий Матфею. И только когда Иоанн Палеолог начал открытые военные действия против Матфея, Кантакузин наконец-то решил помочь сыну. Из текста энкомия ясно, что Николай Кавасила возводит в добродетель сыновнее послушание Матфея. А как относится энкомиаст к поступкам самого Иоанна Кантакузина?

Как известно, в большинстве исторических исследований Николай Кавасила называется сторонником Кантакузина. Однако следует сказать, что Николай Кавасила не использовал все возможности энкомия, чтобы выразить свою преданность Кантакузину, — уже отмечалась эта композиционная особенность сочинения. А между тем энкомий Матфею мог бы явиться панегириком роду Кантакузинов и самому Иоанну. Кроме того, Николай Кавасила мог в энкомии не заострять до такой степени разногласия отца и сына: для подтверждения сыновней преданности Матфея он мог найти менее негативные аргументы.

Все сказанное не означает, однако, что Николай Кавасила выступает в энкомии против Иоанна Кантакузина, — отнюдь нет! Однако отдельные оттенки изложения свидетельствуют о том, что в это время Николай Кавасила не был рьяным, убежденным кантакузианцем.

Невольно вспоминается в связи с этим имеющий место в исторической литературе тезис о политической изворотливости Николая Кавасилы. Как известно, Г.-Г. Бек считал этот тезис снятым с повестки дальнейшего обсуждения, поскольку удалось установить, что ряд действий, ранее приписываемых Николаю, был связан с другими его современниками — Нилом Кавасилой и Михаилом Кавасилой⁴⁷. Однако факты говорят все-таки о том, что Николай Кавасила иногда проявлял политическую непоследовательность (участие в посольстве к Мануилу Кантакузину в 1345 г.; пребывание при дворе Иоанна Кантакузина после 1347 г.; восхваление Анны Савойской в трактате о ростовщичестве, 1351 г.; противопоставление Анны тем, кто борется с ней, злым и бесчеловечным — *ponēroi kai apanthropoi*)⁴⁸. Но в этом находило отражение, несомненно, не его политическое приспособленчество и изворотливость, а верность идеалу справедливого правителя. Вероятно, именно поэтому Иоанн Кантакузин, в период гражданской войны поступавший иногда вопреки представлениям о честности и добродетели, не получил в энкомии Николая Кавасилы хвалебной оценки.

Кроме того, не вызывает сомнения, что нельзя в актах проявления симпатии к политическим деятелям различных группировок усматри-

вать только проявление политической непоследовательности. К примеру, одним из побудительных мотивов создания энкомия Анне Савойской было прежде всего сыновнее уважение к политическим симпатиям отца.

Разумеется, на материале одного энкомия не следует делать прямых выводов о политической ориентации Николая Кавасилы. Для решения этого сложного вопроса следует привлечь все его сочинения, а также замечания его современников.

Однако разбор даже одного энкомия Матфею несомненно дает достаточно интересный материал для характеристики отдельных оттенков политических настроений одного из видных византийских авторов XIV в.

Можно было бы обратить внимание и на такое средство информации, как нюансировка в характеристике или в описании: энкомии Николая Кавасилы в этом отношении достаточно интересны. Удивляет, например, умение нашего энкомиаста от похвал незаметно перейти к рекомендациям каким должен быть истинный правитель (ЭА, р. 119. 30—38; ЭМ, р. 115. 20—24 и др. — об этом подробнее в одной из следующих статей).

В целом же необходимо отметить, что эпидейктическая литература палеологовской эпохи, несмотря на одевающую ее пелену традиционности, таит в себе богатства, могущие дать исследователю ценный исторический материал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы статьи были использованы в докладах на IX Всесоюзной сессии византистов в Ереване и на XIV Международном конгрессе по византиноведению в Бухаресте.

² Перечень византийских интеллигентов XIV в. см.: I. Ševčenko. Society and Intellectual Life in the XIVth Century.—XIVe Congrès International des Etudes byzantines. Rapports, premier thème. Bucarest, 1971, p. 7—8.

³ См. также: K. Dyobuniotis. Nicolaou Kabasila anekdoton enkomion eis tous tries hierarchas — EEBS, 14, 1938, 157—162.

⁴ P. Enepekides. Der Briefwechsel des Mystikers Nikolaos Kabasilas — BZ, 1953, Bd. 46, H. 1, № 17, S. 43—44.

⁵ M. Jugie. Nicolas Cabasilas. Panegyriques inédits de Mathieu Cantacuzène et d'Anne Paléologue. — ИРАИК, XV, 1911, p. 112—121; Hellenika, 9, 1936, p. 203—204.

⁶ I. Ševčenko. Nicolaus Cabasilas' correspondence and the treatment of late byzantine literary texts. — BZ, 1954, Bd. 47, H. 1; R.—J. Loenertz. Chronologie de Nicolas Cabasilas 1345—1354 — Orientalia Christiana periodica. Miscellanea Georg Hofmann S. J. Roma, 1955, v. XXI, № I—II.

⁷ P. Гийан и П. Энепекидес относят это письмо приблизительно к 1320 г. — R. Guiland. La correspondance inédite de Nicolas Cabasilas. — BZ, 1929/30, Bd. 30, S. 99; P. Enepekides. Der Briefwechsel..., S. 30.

⁸ R. Guiland. Le traité inédit "Sur l'usure de Nicolas Cabasilas. — Mélanges Lampros, Athènes, 1935, p. 269—273 (перепечатка: Etudes byzantines. Paris, 1959, p. 81—87); R.—J. Loenertz. Chronologie..., p. 220—224.

⁹ И. Шевченко считает terminus post quem трактата 1341 (1345) г.; P. Ленерц датирует его 1351 г.

¹⁰ M. Jugie. Nicolas Cabasilas . . . , p. 113; R.—J. Loenertz. Chronologie . . . , p. 224—226; I. Ševčenko. Nicolaus Cabasilas' correspondence . . . , p. 55.

¹¹ Nicephori Blemmydae Andrias basilikos. — PG, 142, 612—674. Подробно об этом см.: В. М. Барвинок. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911.

¹² R. Volkmann. Die Rhetorik der Griechen und Römer in systematischer Übersicht. Berlin, 1872, S. 262.

¹³ Античная эпистография. Очерки. М., 1967, стр. 10—15 и др. Из хвалебных писем византийских авторов XIV в. см., например, письмо Димитрия Кидониса Иоанну Кантакузину (лето 1345 г.): Démétrius Cydonès. Correspondance. Publ. par. R.—J. Loenertz. Città del Vaticano, v. I, 1956, № 6, p. 31—32. Замечания издателя по поводу этого письма см.: R.—J. Loenertz. Note sur une lettre de Démétrius Cydonès à Jean Cantacuzène.—BZ., 1961, Bd. 44, H. 1/2, S. 405—408.

¹⁴ T. C. Burgess. Epideictic Literature.—Studies in classical Philologie. Univ. of Chicago, 1902, p. 89—142.

¹⁵ P. Enepekides. Der Briefwechsel . . . , № 3. 32—39.

¹⁶ I. Ševčenko. Nicolaus Cabasilas' correspondence . . . , p. 55.

¹⁷ Ср.: Энкомий Льва Дьякона (застольная речь в честь императора Василия II), 1—2 в ст. М. Я. Сюзюмова. Мировоззрение Льва Дьякона.—АДСВ, вып. 7, Свердловск, 1971, стр. 144.

¹⁸ Г. Хунгер не без оснований отмечает поразительное сходство византийских энкомиев различных веков. H. Hunger. Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jh.—XIVe Congrès International des Etudes byzantines. Bucarest, 1971, rapports 1, p. 84. P. Lehmann. Das literarische Bild Karls des Grossen vornehmlich im lateinischen Schriften des Mittelalters.—Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosoph.—hist. Abt., H. 9. München, 1934, S. 9; Th. Nisse. Historisches Epos und Panegyrikos in der Spätantike.—Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie. 75 Jahrgang, H. 1, Jubiläumsheft, 75 Bd. Berlin, 1940, S. 300; H. Lausberg. Handbuch, Bd. 1, § 259, Bd. II, S. 851.

¹⁹ Энкомий как жанр ближе всего стоит к эпистолярной литературе.

²⁰ А. П. Каждан. Византийская культура (X—XII вв.). М., 1968, стр. 68, 176—177 и др.; I. Ševčenko. Society and Intellectual Life..., p. 21, 26.

²¹ H. Hunger. Klassizistische Tendenzen . . . , p. 83.

²² H. Hunger. On the Imitation (MIMESIS) of Antiquity in Byzantine Literature.—ДОР, 23/24, 1970.

²³ Платон. Федр, 246 с—247 в.—Сочинения, т. 2. М., 1970, стр. 181—183. Традиция образа идет к Пармениду.

²⁴ С. В. Полякова. Из истории византийской любовной прозы.—В кн.: Византийская любовная проза. М., 1965, стр. 126; А. П. Каждан. Византийская культура..., стр. 173.

²⁵ F. H. Tinnfeld. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971.

²⁶ О псогосе у Николая Кавасилы см.: М. А. Поляковская. О памфлете Николая Кавасилы.—АДСВ, вып. 7. Свердловск, 1971, стр. 149—158.

²⁷ А. П. Каждан. Византийская культура..., ст. 187; I. Ševčenko. Society and Intellectual Life..., p. 25.

²⁸ Я. Н. Любарский. Живое наследие Византии.—«Вопросы литературы», 1970, № 8, стр. 239.

²⁹ I. Ševčenko. Nicolaus Cabasilas' correspondence . . . , p. 49.

³⁰ Niceforo Basilace Encomio di Adriano Comneno. Testo edito per la prima volta, con apparato critico, introduzione, commentario a cura di A. Garzya. Napoli, 1965; Ch. M. Brand. A Byzantine plan for the Fourt Crusade.—Speculum, 43, 1968, p. 465—472; Th. E. Detorakys. Anekdoton enkomion eis Andrean Kretes.—EEBS, 37, 1969/70, 95—133; Fr. Fusko. Il panegirico di Michele Italico per Giovanni Comneno—ibid., 146—169.

³¹ И. Шевченко также относит этот пассаж из энкомия Анне Савойской к событиям зилотского движения.—I. Ševčenko. Nikolaus Cabasilas' correspondence, p. 55. О пребывании Николая Кавасилы в зилотской Фессалонике (1342—1347 гг.) см.: A. Angelopoulos. Nikolaos Kabasilas Chamaetos he dzoe kai ergon autou. Thes., 1970.

³² P. Enepekides. Der Briefwechsel . . . , № 11. I; Eurip. Or. 279.

³³ R.—J. Loenertz. Chronologie . . . , p. 225—226.

³⁴ Rhetores Graeci, ed. L. Spengel. Leipsic, 1853, p. 36—37; Lester B. Struthers. The rhetorical structure of the encomia of Cladius Claudian.—Harvard

Studies in classical philology, v. XXX, Cambridge, Harvard University press, 1919, p. 49—87.

³⁵ H. Lausberg. Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft. Max Hueber Verlag. München, 1960, Bd. II, Reg., S. 874.

³⁶ Ibid., S. 851—852.

³⁷ Ibid., Bd. I, § 245; Bd. II, Reg., S. 848.

³⁸ Ibid., Bd. I, § 245; Bd. II, Reg., S. 873.

³⁹ Ibid., Bd. I, § 661; Bd. II, Reg., S. 876—877.

⁴⁰ Ibid., Bd. II, Reg., S. 858.

⁴¹ Энкомий Льва Дьякона..., стр. 144—145. 5.

⁴² Ch. M. Brand. A Byzantine Plan . . . , p. 467; Энкомий Льва Дьякона . . . , стр. 147; M. Bachmann. Die Rede des Johannes Syropulos an den Kaiser Isaak II. Angelos (Text und Kommentar) nebst Beiträgen zur Geschichte des Kaisers aus zeitgenössischen rhetorischen Quellen. München, 1935. А. П. Каждан. Никифор Хрисоверг и Николай Месарит. Опыт сравнительной характеристики.— ВВ, 30, 1969, стр. 108.

⁴³ H. Hunger. Johannes Chortasmenes. Briefe, Gedichte und kleine Schriften. Einleitung, Regesten, Prosopographie, Text. Wien, 1969, S. 125—126, 217—224.

⁴⁴ A. Garzya. Un opusculé inédit de Nikolas Cabasilas.— Byzantion, v. 24, 1954 (1956), p. 521—532.

⁴⁵ I. Ševčenko. Nicolás Cabasilas' Anti—Zealot Discourse. A reinterpretation.— DOP, 11, 1957.

⁴⁶ Ibid., p. 106. 25; 108. 29.

⁴⁷ H.—G. Beck. Kirche und theologische Literatur in byzantinischer Reich. München, 1959, S. 780.

⁴⁸ R.—J. Loenertz. Chronologie..., p. 207, 222. Об участии Николая Кавасилы в посольстве к Мануилу Кантакузину см.: R.—J. Loenertz. Note sur une lettre..., S. 407. Р. Ленерц усматривает политическую линию Николая Кавасилы в том, что он написал одновременно похвалы и Анне, и Матфею.— R.—J. Loenertz. Chronologie..., p. 226.